

Глава 16

Вена — Рим

Вена. Белла Италия.

Знакомство с эмиграцией.

Иржи Пеликан. Конгресс «Третьего пути».

На «Свободе». Эмигрантская мозаика.

«Прошлое и будущее»

И вот мы в Вене, в венском аэропорту. Впервые — за границей! «За границей» — какие это были для советских людей волшебные и пугающие слова, почти то же самое, что на другой планете. И это действительно была другая планета. Свет, уют, чистота, отсутствие людских толп с напряженными, хмурыми лицами, сверкающие бары без очередей, многоцветье рекламы, служащие в красивой, разнообразной униформе с лицами профессоров или киноартистов, спокойные, уверенные, приветливые. Мы с женой еще озирались, подавленные увиденным, как вдруг наш восьмилетний сын нашел точные слова для самого первого нашего общего впечатления: «А правда, папа, здесь гораздо спокойнее, чем в Москве?».

Да, это было самое главное — ощущение спокойствия и безопасности, слитые вместе. И это ощущение, к слову, не оставляет меня и сейчас, когда я прилетаю в Мюнхен из Москвы.

В здании аэропорта нас встретил израильский представитель, говоривший на ломаном русском с польским акцентом. И вскоре мы в автобусе уже ехали в знаменитый замок Шенау под Веной — сортировочный пункт для прибывающих из Советского Союза эмигрантов. Двигаясь по городу, автобус проехал мимо автосалона. Все впервые увидели это чудо: стеклянные стены и за ними сверкающие иномарки. В автобусе нашелся шутник: «К празднику выкинули!». Мы прилетели в Вену 1 ноября, через шесть дней — годовщина «Великой Октябрьской социалистической революции».

Шоссе запомнилось мягким оранжевым светом, широтой, удивительно гладким покрытием. Мы не ехали — продолжали лететь. Но главным был — оранжевый свет над шоссе. После мертвящего бело-синего неона на московских улицах этот свет более всего создавал ощущение, что ты на другой планете. И сейчас я вспоминаю ту поездку как один из самых счастливых моментов в моей жизни. Широкое гладкое шоссе под оранжевым светом вело, казалось, в новую, прекрасную, свободную, богатую смыслом жизнь. На деле оказалось далеко не так: меня ждала впереди и старая жизнь — в эмигрантском (российском) сообществе! — но «оранжевое воспоминание» от этого сделалось, пожалуй, еще более щемящим, каким всегда бывает воспоминание о чем-то несбывшемся.

От замка Шенау у меня осталось в памяти несколько ярких впечатлений. Прибыли мы туда вечером, и в темноте ничего уже толком не видели. А утром я первым делом, еще до завтрака, пошел осматриваться. Утро, несмотря на начало ноября, выдалось солнечное и очень теплое, и замок оказался самым настоящим: со старинными стенами, рвами, башнями, внутренними дворами. Переходя из одного двора в другой, я вдруг увидел австрийских солдат. Они сидели вокруг длинного тесового стола на скамьях и завтракали. Это были, я понял, наши охранники. Впервые в жизни увидел иностранных, «вражеских» солдат, которые теперь меня защищали!

Солдаты эти были совершенно непривычными: розовощекимы, мирными и в то же время интеллигентными крестьянскими парнями. (Сочетание неправдоподобное? — только для россиян!) Чем-то они напоминали того австрийского механика, который болел за нас в московском аэропорту. Солдаты добродушно и неспешно разговаривали, смеялись чему-то, уписывая яйца и колбасу, на столе стояли термосы с кофе. Автоматы лежали между ними на скамьях. И было трудно представить, что эти парни способны в кого-нибудь стрелять и сами погибать под пулями, и что это их отцы завоевали почти всю Европу от Испании до Москвы и Северного Кавказа, убивая при этом множество людей на своем пути и сами погибая. Потом, оказавшись в Германии, я понял, что за послевоенное время выросло новое поколение немцев и австрийцев, имеющих мало общего со своими соотечественниками гитлеровской эпохи. Судя по старым фотографиям и кинохронике, немцы и австрийцы того времени даже внешне отличались от нынешних. Лица, глаза тех, как правило, были какими-то сухими, стандартными, серыми.

Охрана замка Шенау, как я потом узнал, была организована не случайно. Незадолго до нашего приезда на автобус с эмигрантами было совершено нападение группы палестинских террористов, несколько человек было ранено. И в замке-то нас держали, чтобы легче было охранять!

Другое яркое впечатление. После завтрака к нашей группе подошел раввин с бело-голубым платком на плечах и пригласил всех, кто хочет, в молельную комнату — сотворить утреннюю молитву. И многие пошли — недавно сдавшие партбилеты члены партии, комсомольцы и «беспартийные коммунисты». Двойственное чувство вызвала у меня эта картина. С одной стороны, конечно, свобода, бля! А с другой — нового вида партсобрание!

И еще одним запомнившимся событием была беседа с представителем израильского «Шинбета», знаменитой израильской разведки. Когда я сказал администрации замка, представителям «Сохнута» (Министерство абсорбции Израиля), что не хочу ехать в Израиль, мне ответили, что в этом случае я должен переговорить с представителем «Шинбета». Так прямо и сказали: «Шинбета»! Представитель этот оказался добродушным средних лет человеком, говорившим по-русски с каким-то славянским акцентом. Он пригласил меня прокатиться до ближайшего кафе и там «спокойно побеседовать». Я согласился, но с неприятным чувством. Даже демонстративно, при шинбетовце подошел к жене и сообщил о приглашении. Здорово запугало нас родное ГБ, теперь стыдно вспоминать о своей трусости. «Агент «Шинбета»», едва заметно усмехнувшись, успокоил мою жену: «Мы, я думаю, ненадолго!». Для него моя реакция, очевидно, не была внове. Мы выехали из замка на шоссе и вскоре остановились около придорожного кафе. Официантка, красивая, опять же крестьянского типа девушка в расширенном платье с широкой длинной юбкой подала нам по чашке кофе с рогаликами, кубиками масла и медом. Рогалики эти, я потом узнал, были знаменитыми французскими круассанами!

Я повторил шинбетовцу, что хочу ехать в Италию, в Рим, а потом — в Англию, объяснил откровенно — почему. Из-за своих политических интересов. О том, что жена русская, говорить не стал: уже знал, что это не было существенно. Многие смешанные семьи уехали в Израиль, нормально там устроились и жили. Шинбетовец меня прекрасно понял, не отговаривал, только сказал с легким-легким упреком, что в Израиле уже известно мое имя как одного из «смелых активистов еврейского (он тут чуть нажал) движения».

И оказалось, что я не первый у него такой «клиент». «Вы, наверное, к Юрию Штейну едете, родственнику Солженицына! — щегольнул сотрудник «Шинбета» своей профессиональ-

ной осведомленностью, действительно, меня немного этим удивив. — Я с ним знаком, хороший парень! Передавайте ему привет от меня!».

Мы с шинбетовцем еще немного поговорили о положении в Советском Союзе, и он отвез меня в замок. Контраст с советскими реалиями и с КГБ был, конечно, впечатляющим.

В Шенау мы пробыли два дня, потом несколько дней прожили в Вене в пансионе, куда нас поместила американская организация «Хаяс», взявшая нас под опеку и на содержание, как и всех, кто не ехал в Израиль. Интересно, что финансировал «Хаяс» знаменитый американский еврейский фонд «Джойнт». Тот самый, который финансировал создание еврейских сельскохозяйственных кооперативов в Крыму в начале 20-х годов, за что удостоился благодарности от Ленина, а при Сталине, в 50-е годы, был объявлен антисоветской сионистской организацией, филиалом ЦРУ, за связь с которой сажали и расстреливали людей, евреев, при том что никакой связи на деле, разумеется, не существовало.

Вена мне представилась чопорной, стерильно чистой, немного даже сонной. Витрины, товары в магазинах подавляли своей роскошью. И в Вене я впервые столкнулся с неожиданным психологическим феноменом. Раньше, приезжая в новые области, особенно в западные, «заграничные» (Прибалтика, Закарпатье), я остро воспринимал их новизну и наслаждался этим, представлял себе, как там жили люди раньше. А теперь, попав на настоящий Запад, я вдруг перестал испытывать радость и наслаждение от новизны. Я перестал ее остро ощущать, словно между мною и окружающим миром появилась какая-то пелена. И мир за этой пеленой (тоски? отчужденности?) потерял свои краски, или они очень потускнели. Давило ощущение, что это все чужое и чужим останется. И это происходило только из-за того, что я не имел возможности вернуться на родину, не был ни туристом, ни гостем, а был эмигрантом, до которого никому нет дела, как до нищего. Отсутствие хорошего знания какого-либо западного языка еще больше усиливало эту «пелену» отчуждения.

В венском «Хаясе» произошла неожиданная встреча с семьей эмигрантов из Москвы, в которой было двое детей — сын и дочь. Сын, юноша лет шестнадцати, услышав мою фамилию, подошел ко мне и сказал, что он учился в Москве в одной школе и в одном классе с моим старшим сыном Сергеем, который просил его разыскать меня и сообщить, что он отрекался от меня по телефону для прослушивателей из КГБ, чтобы эта организация не помешала ему поступить в физтех, но что он понимает меня, любит и постарается приехать ко мне после окончания учебы. Я был, разумеется, счастлив это услышать.

Потом мы подружились с этой семьей. Глава семьи, крупный инженер-энергетик, был очень славным человеком, литовским евреем с удивительно необычными и красивыми именем и фамилией: Эзра

Июдио. Его родители выехали в начале войны в Россию, в Москву, где он после этого учился и жил.

Когда набралась приличная группа эмигрантских семей, желавших ехать в Америку, сорудники «Хаяса» посадили нас в поезд, шедший в Рим. Днем мы ехали через Альпы, не отрывались от окон, но по Италии проезжали ночью и в Рим прибыли утром.

Рим поразил полным контрастом с Веной. Вышли мы на привокзальную площадь, и сразу почувствовали вокруг легкую и светлую атмосферу, что-то похожее на Грузию. В Риме были такие же, как и в Вене, изобильные витрины, а люди были одеты, пожалуй, даже лучше, ярче, но все вокруг было как-то проще, раскованнее, даже по-родному безалаберно. Живее были лица, громче речь, много толчеи, хватало и мусора. Ну и тепло и солнечно было, как весной, хотя на дворе стоял ноябрь. И это первое общее ощущение простоты, открытости, теплоты не ослабло со временем. Но и в Италии сохранялась пелена отчужденности, хотя она ощущалась там не столь болезненно, как в Австрии.

При выходе с вокзала в город произошел поразительный инцидент. Мы увидели вокруг много полиции и полицейских автобусов, и встречавшие нас служащие римского «Хаяса» объяснили, что в городе забастовка транспорта, и поэтому мы должны подождать, пока придет хаясовский автобус. И тут я вдруг услышал, как приехавшие с нами эмигранты начали возмущаться: «С жиру бесятся! Коммунисты все! Злоупотребляют свободой, их бы в Советский Союз!» и т. п. Я что-то сказал, если бы, мол, они не бастовали, то и жили бы как в СССР, но на меня посмотрели с удивлением, как на дурачка. В мое сердце тогда за-

крался ужас. В России все стонало: нет свободы! а тут — «злоупотребляют свободой!» И это только сойдя с поезда и ничего не зная о стране, о положении и требованиях забастовщиков! Комментировать такое я просто не в состоянии, тут бездна открылась, бездна эгоизма, от которого гибнет Россия!

В Риме мы прожили 11 месяцев — огромное время, и Италия стала моей второй родиной. Когда я попадаю в Италию, то испытываю настоящую ностальгию.

Первую неделю мы, как и в Вене, жили в пансионате, а потом, закончив оформление в «Хаясе», переехали в квартиру, где еще жили Штейны. Квартира их находилась в маленьком рабочем предместье Рима — Витинии. Великолепная была двухкомнатная квартира, с большими светлыми комнатами, балконом, большой кухней и ванной. От «Хаяса» мы получили деньги на оплату квартиры плюс деньги на питание. Потом мы поняли, что по западным меркам это было немного, но нам вполне хватало. Питались мы лучше, чем в Москве. Кроме того, для эмигрантов были организованы бесплатные курсы английского языка.

В Нью-Йорке, где я начал работать на «Свободе», я стал вести серию передач «Первые впечатления», и, естественно, одними из первых были передачи об Италии. Приведу здесь в сокращении текст передачи, которую я назвал: «Италия и итальянки».

«На мой взгляд, кроме общего благорасположения итальянцев, есть и еще одна серьезная причина, почему так приятно жить в Италии — это обилие красивых женщин, умеющих к тому же красиво одеваться и красиво себя держать. Я бы даже сказал, что в Италии слишком много красивых женщин, если бы тут имело смысл понятие «слишком». Может быть, строго говоря, по-настоящему красивых женщин в Италии не так уж много, как кажется, но я не признаю в этом деле «строгости суда». По мне самая волнующая красота — именно «кажущаяся»...

Интересно, что если мужчины в Италии держатся очень просто и мягко, то женщины заметно более строги. Но в этой их строгости нет и следа чванства или этакого презрительного, кислого взгляда на мир и на людей, характерного порой для красивых женщин там, где их мало. Когда с каким-нибудь вопросом обращаешься к итальянке, хоть самой раскрасивой, она не смотрит на тебя надменно, а улыбается так же душевно и доверчиво, как и итальянские мужчины.

И как итальянки танцуют! Дух захватывает, сколько остроты, выразительности, свободы! Чтобы так танцевать, надо так жить. Танцевать, что называется, с пеленок. И в известном смысле, видимо, так оно и есть. На первом этаже дома, в котором мы жили, размещалась начальная школа. Двери ее были постоянно распахнуты. Однажды, помню, я заглянул внутрь во время перемены, привлеченный веселой музыкой и топотом. Оказалось — вся школа плясала! Начиная от малышей-первоклассников. Просто так, от избытка сил и хорошего настроения. И вместе с учениками танцевали их учительницы. Две молодые, очаровательные и гордые итальянки. Я работал в свое время учителем и хорошо понимаю, что все это значит.

Между прочим, эти две молодые учительницы приезжали в школу на своих маленьких, вертких «фиатах». И если одна из них была в брюках, то другая обязательно в мини. Я недоумевал: сговариваются они, что ли? Часто они уезжали из школы на больших машинах, за рулем которых сидели мужчины.

Италия давно уже стала автомобильной страной, и итальянцы любят проводить свидания в своих машинах. Если бы не это обстоятельство, то влюбленных парочек на улицах Италии было бы, наверное, больше, чем одиноких прохожих.

Запомнилась мне в этой связи живописная символическая картина. Сразу за нашей Витинией, раскинувшейся на гряде высоких холмов, пролегла долина небольшой речушки. Внизу, у подножия этих холмов, сохранилась старая, времен Второй мировой войны, созданная фашистами фортификационная линия. Всюду угадывались следы окопов, склоны холмов были утыканы вросшими в землю массивными дотами, каких я не видел и под Москвой, — каждый с метровыми железобетонными стенами и парой черных амбразур. Издали эти доты напоминали проломленные черепа. Во многих из них зияли трещины и дыры, образовавшиеся, видимо, в результате попадания снарядов огромной силы. И мерещилось, что внутри их обязательно должны тлеть кости и черепа убитых солдат.

С противоположной стороны долины к реке спускались открытые пологие холмы, и тоже легко было себе представить, как страшно было наступать американцам с этих холмов под огнем многочисленных дотов. Но теперь в них живут летучие мыши, которые в сумерках носятся над улочками и дворами Витинии. А на доты в любой день и в любое время года, задолго до сумерек, наступают легковые машины итальянцев из Рима и окрестностей! По гребню холмов проходило шоссе, и машины съезжали с него прямо на траву. Медленно, переваливаясь, как танки, и маскируясь в складках местности, ползли они вниз по склонам — на Витинию. И вдруг замирали кто где, словно подбитые невидимыми снарядами. К вечеру, особенно по воскресным дням, все склоны были уже усеяны такими «подбитыми» машинами. А доты, забытые, никому не нужные, казалось, с немым отчаянием смотрели на них пустыми, черными глазницами своих бойниц.

Стекла машин, правда, тоже были черны, но то была уже совсем другая чернота — живая, сродни той, что жила в прекрасных глазах прекрасных итальянок».

Вслед за первыми впечатлениями со временем пришло более детальное знакомство с Италией, и стало ясно, что в Италии много бедности. На окраинах больших городов, в маленьких городках и в сельской местности дома стояли хоть и живописные, но облупившиеся, словно их никогда не ремонтировали.

Особенно поразила бедностью южная Италия. В Неаполе я впервые увидел трущобы: кварталы грязных, разваливающихся домов с уже совершенно нищими жителями. Забегая

вперед, скажу, что потом, живя в Германии, я много раз оказывался в южной Италии, в том числе и на Сицилии, где трущоб в городах особенно много, и положение не менялось. Рыночная система не действует! Северная Италия — развитая страна, а южная — «развивающаяся», т. е. стоящая на месте. Сейчас, как известно, дело дошло до того, что в северной Италии создалась партия, которая выступает за отделение южной Италии. Чтобы не висела на ногах. Это вместо популярной борьбы за сохранение «территориальной целостности»!

Вопиющая бедность южной Италии — серьезный вопрос для российских апологетов рыночной экономики на капиталистической основе. Ответа на него я от них не слышу. Они предпочитают этот вопрос обходить, не замечать.

Напомню также, что в южной Италии до 60-х годов XIX века удерживался феодальный режим. Как в России, но без крепостного рабовладения.

Пожив в Италии, я обнаружил и еще один негативный момент, характерный для страны, не очень уж давно вышедшей из феодализма, — присутствие в сервисе и торговле людей с лакейской психологией. Больше всего их в местах интенсивного туризма. Они точно определяют степень состоятельности туриста и соответственно к нему относятся: перед богатым сгибаются, бедному могут и нахамить. И тех и других ловко обсчитывают. В Германии, Англии, Америке среди местного населения такого лакейства почти не встречается.

В южной Италии процветает и изощренное уличное воровство. В Сицилии два подростка пытались ворваться к нам в машину и увести сумку жены во время остановки у светофора. У наших знакомых вырвали сумку с деньгами и документами прямо в аэропорту. Машину в южной Италии рекомендуют даже не запирать, чтобы хотя бы не взламывали двери ради похищения радиоприемника и оставленных в машине вещей.

В Венеции знакомый итальянский журналист с возмущением говорил мне, что лакействующие официанты и портье позорят Италию, и просил не судить по ним обо всех итальянцах.

Но в первый год пребывания в Италии у нас не было денег на рестораны и кафе, и ничто не мешало нам влюбляться в итальянцев.

В Риме в моей жизни произошло много серьезных событий. Прежде всего, выяснилось, что жена в положении и хочет рожать. Один из моих друзей, уехавший в Израиль, узнав об этом, написал: «Безумству храбрых поем мы песню!». Я этому, честно говоря, тоже не обрадовался: вокруг — чужой мир, нет ни работы, ни жилья, ни страны проживания!

У нас в это время уже шла переписка с Би-би-си, и пришлось им сообщить о новых обстоятельствах. Пришел ответ, что они не могут ждать, пока жена сможет начать работать, и у них неизбежна ночная работа, и потому «мы извиняемся!» Жить в Англии вчетвером только на мои ассистентские доходы за 18 часов в неделю было невыносимо, и пришлось мне принять приглашение, полученное от радиостанции «Свобода». Для этого нам надо было сначала поехать в Америку, в Нью-Йорк, где находился филиал «Свободы». Там я должен был начать работать, а после получения американского паспорта для путешествий переехать в Мюнхен, где располагалась основная редакция. Мечты о литературе отодвигались на неопределенное время.

Визу в США эмигранты ждали тогда в Риме 6 месяцев, но из-за беременности жены и рождения дочери мы прожили в Риме, как я уже сказал, 11 месяцев. Врачи не советовали везти грудного ребенка на самолете, тем более что дочь родилась семимесячной.

В Москве я дружил с Ольгой Чайковской, прекрасным человеком и замечательным публицистом. Узнав, что я собираюсь эмигрировать, она сказала: «Рискованное дело, но там уже много наших — пропасть не дадут!». Как часто потом в эмиграции я с горькой иронией вспоминал ее слова.

В Риме располагалась фирма по оптовой продаже (и торговле по почте) русских книг и периодики, издававшихся на Западе (так называемого тамиздата), — АЛИ (аббревиатура итальянского названия фирмы). Фирма получала дотацию из ЦРУ, и руководили ей американцы, знавшие русский язык, также, наверное, сотрудники этой «страшной» организации. Все политические и просто интеллигентные эмигранты паслись в конторе АЛИ. Встречались там друг с другом, получали в подарок книги (часто еще и воровали их в дополнение к подаренным!), получали и советы по устройству, что так важно для эмигрантов.

Группа диссидентов, приехавших в Рим раньше меня, — А. Есенин-Вольпин, Ю. Глазов, Ю. Титов с женой, Ю. Штейн с женой и другие — к моему приезду почти все разъехались из Италии: кто в США, кто во Францию. И один американец из руководителей АЛИ рассказал мне, как он с завистью смотрел на «этих русских», когда они встречались в Риме: объятиям и поцелуям не было конца. Мы, американцы, думал он, не умеем так дружить! Затем он уехал на пару недель из Рима, а когда вернулся, не мог поверить своим глазам: никто из приехавших уже не разговаривал друг с другом, и высказываясь о своих еще недавно дорогих друзьях, они употребляли такие «странные русские слова», как «подонок», «примазавшийся», «говнюк». Нет, сказал мне этот американец, мы так тоже не умеем. И добавил: «Если у нас люди на 80 процентов расходятся во взглядах, они еще могут оставаться друзьями, а у вас на 20 процентов расходятся — и уже враги!».

Американец не понимал, что дело тут было даже не в нетерпимости к чужим взглядам, а в гипертрофированной амбициозности и эгоцентризме.

Узнал я и о примечательной пресс-конференции наших знаменитостей, состоявшейся в Риме незадолго до моего приезда. Русские диссиденты были тогда на Западе еще в диковинку, и поэтому собралось очень много публики и корреспондентов. Но через несколько минут после начала конференции вспыхнул скандал. Диссиденты «стаскивали» друг друга с трибуны, и при этом слышались разные «странные русские слова». Как выяснилось, дело было в том, что диссиденты не поделили между собой — кто, сколько времени и о чем должен говорить. Более именитые с большим «партстажем» диссиденты посчитали, что менее именитые позволили себе говорить на темы, которые им были не по чину. А тут еще выяснилось, что переводчик очень слабый, и пока искали более сильного (среди старых эмигрантов), один из недостаточно именитых диссидентов, умевший прилично говорить по-английски, завладел трибуной вне отведенной ему очереди. И тут уже началась форменная свалка. Пресс-конференцию пришлось закрыть.

Я не понял тогда, точнее, не захотел понять, что передо мной был образ нашей политической эмиграции, я лишь думал, вопрошал потрясенно, куда же девалось диссидентское братство?

И подобные превращения происходили не только с политэмигрантами. В Москве, в квартире Давида Маркиша (который переправил в Израиль мою заявку) я почти всегда встречал его двоюродного брата, они были, что называется, не разлей вода и плечом к плечу сражались за разрешение на эмиграцию. И вот я встречаю в Риме этого двоюродного брата, спрашиваю

его, как поживает Давид (он уехал в Израиль), и слышу в ответ: «Я с этим подонком не имею больше ничего общего!». На такое я наткнулся на каждом шагу.

Позже знаменитый славист Карл ван хет Реве, директор фонда имени Герцена в Амстердаме, который, между прочим, первым издавал лучшие книги российского самиздата, в частности книги Андрея Амальрика, Павла Литвинова, Анатолия Марченко, и хорошо знавший эмигрантов из всех стран соцлагеря, напишет в польском парижском журнале «Культура» (апрель 1976 года), что в моральном отношении, по взаимной вражде «русская эмиграция самая худшая в мире, в мировой истории, может быть». И объяснит причину: «В русской эмиграции малейший успех одного воспринимается всеми как личное оскорбление».¹

Не лучше вели себя и так называемые экономические эмигранты. Недалеко от Витинии был найден убитым один из таких эмигрантов. Итальянская полиция начала допрашивать всех эмигрантов, живших в одном микрорайоне с убитым. Потом переводчица следователя, эмигрантка, давно уже живущая в Италии, рассказала мне, что все допрашиваемые так активно «сотрудничали» со следователем, что даже сбивали его со следа. И он однажды сказал ей в сердцах, что впервые встречает подобных людей! «У нас в Италии, — пожаловался он, — из свидетелей очень трудно выуживать показания, а ваши — ну просто из кожи лезут, и все стараются очернить подозреваемых, даже выдумывают небылицы! Каких людей, сеньора, мы пускаем в нашу страну!» — сокрушался полицейский офицер.

В Риме у меня состоялась встреча и с видной представительницей старой эмиграции — графиней Зинаидой Шаховской, бывшей тогда редактором парижской газеты «Русская мысль». Она, по ее словам, специально даже приехала в Рим, чтобы побеседовать со мной. И, как я понимал, собиралась пригласить меня работать в свою газету. Шаховская читала какие-то мои статьи в советской прессе и помещала даже рецензии на некоторые из них. Знала она, и кто был моим отцом.

— Вы не находите, что наша встреча весьма знаменательна? — спросил я ее.

— Мм-да, — согласилась она, помедлив. И в ее тоне я услышал нечто такое, что заставило меня вдруг сказать, что несмотря ни на что я не считаю себя врагом дела моего отца.

— Вы — «истинный ленинец»? — усмехнулась она. («Истинный ленинец» — это было такое течение в диссидентстве.)

— Нет.

— Марксист?

— Тоже — нет...

— Так кто же вы? — недоумевала Шаховская.

Я сказал, что просто остался верным каким-то исходным идеалам моего отца. И сказал несколько слов о конвергенции социализма и капитализма как выходе для России и мира. В связи со словом «конвергенция» Шаховская неожиданно спросила меня, как я считаю, является ли Сахаров агентом КГБ? И пояснила, что в ее газете и в другой русской периодике на Западе идет дискуссия на эту тему. Я, разумеется, высказал возмущение по поводу самого факта такой дискуссии.

¹Цитирую по перепечатке в журнале «С интаксис». (Париж 1976, №4, С.43)

— Но как же Сахарову, — возразила Шаховская, — удалось распространить по всем странам свою статью «Размышления о прогрессе», если не по разрешению и при содействии КГБ? Да и статья эта, — добавила она, — по существу защищает социализм.

Я не согласился с ней, но понял, что поколебать ее невозможно: она совершенно не понимает того, что представляет собой советская Россия и жизнь в ней.

Разговор меж тем коснулся диссидентов сахаровского крыла, и госпожа Шаховская вдруг заявила, что во взглядах этих диссидентов много русофобии, и они не хотят признавать, какую негативную роль сыграли все-таки евреи в новейшей истории России. И привела стандартный набор: Троцкий, Зиновьев, Каменев...

— Но ведь были и другие евреи, — возразил я и привел другой набор: Пастернак, Мандельштам, Гроссман...

— Их вы не трогайте! — возмутилась графиня. — Это люди р-р-русской культуры! Это фактически русские люди!

— То есть все, что дерьмо, то — наше, так? а что хорошее — то ваше? — поинтересовался я. И в итоге приглашения работать в ее газете, разумеется, не получил. О чем, между прочим, ни-сколечко не сожалел.

Но, слава богу, Шаховская не отменила интервью со мной, которое до нашей беседы поручила сделать сопровождавшему ее сотруднику газеты, некоему Шалдырвану.

Господин Шалдырван был в Гражданскую войну офицером белой армии, бежал с ее остатками в Константинополь. Он выглядел очень симпатичным человеком, и мы долго за полночь, по-русски, разговаривали с ним о судьбе России, и он рассказал мне, между прочим, впечатляющий эпизод, как в Гражданскую войну они, белые, взяли в плен комиссара, который все время поносил их во время допроса, и офицеры решили сжечь его. Обложили соломой и подожгли. «Так он и тут не перестал ругаться и предрекать нам погибель!». Рассказал он это к тому, какие, мол, страшные фанатики были среди большевиков.

Вскоре в «Русской мысли» вышло интервью со мной, и оно сыграло великую роль в моей судьбе на Западе. Мне неожиданно позвонил Иржи Пеликан. Я мечтал как-то связаться с чехословацкой эмиграцией 68-го года, но не знал, как это сделать, и тут вдруг гора сама пришла ко мне!

Иржи Пеликан объяснил, что прочел мое интервью и нашел, что мои взгляды очень сходятся с их — активистов Пражской весны — взглядами, и пригласил меня встретиться. Так началось спасительное для меня вхождение в чехословацкую эмиграцию, которой я обязан всем, чего мне удалось достичь на Западе, и тем, что я смог выжить в условиях эмиграции русской.

Напомню, кем был Иржи Пеликан. В 1948 году молодым коммунистом он участвовал в свержении «буржуазного» правительства и

установлении власти коммунистов. Между прочим, из всех стран Восточной Европы только в Чехословакии это действие было поддержано весьма широкими слоями населения и прошло без вмешательства советских сил и без жертв. Велики были популярность коммунистов и уважение к Советскому Союзу. Это факт, признаваемый всеми серьезными западными историками.

Позже, в годы правления Новотного, Пеликан возглавлял Молодежный союз Чехословакии, а затем стал директором Государственного радио и телевидения, которые под его руководством блистательно разоблачали просоветский режим в республике и пропагандировали де-

мократические реформы — «социализм с человеческим лицом». Взять хотя бы знаменитую передачу, когда в студию ТВ заманили бывших следователей ГБ и столкнули их лицом к лицу с выжившими жертвам их «правозащитной» деятельности. Это «ток-шоу» ретранслировалось по всей Европе! В Кремле Пеликана и его команду ненавидели особенно свирепо, и когда стала надвигаться угроза вторжения, Дубчек отправил Пеликана послом в Италию. «Тебе надо уехать, — сказал ему Дубчек. — В Москве на тебя очень сердиты!». Так Пеликан оказался в Италии и остался там после вторжения. Хорошо владея итальянским языком, он вступил в местную социалистическую партию, стал членом ее руководства и был избран от нее в Европейский парламент. Карьера, немыслимая для российского эмигранта. Но главным делом Пеликана в эмиграции было издание журнала «Листы» на чешском языке. Этот журнал был продолжением знаменитого еженедельника «Литерарны листы», сыгравшего, как и телевидение, огромную роль в 68-м году.

Сравнительно недавно Пеликан умер, от рака. Я до сих пор не могу к этому привыкнуть. Ирка, как звали его друзья-чехи, был очень веселым, даже озорным и в то же время очень деловым человеком. Был добрым без навязчивости и принципиальным без аффектации. Идеям демократического социализма он оставался верен до конца. Приход к власти в Чехословакии в 89-м году буржуазного правительства принял со спокойным мужеством, как и подобает настоящему демократу. Продолжал издавать «Листы», часто бывал в стране, но жить остался в Италии, в Риме. Большинство деятелей Пражской весны так же, как и Пеликан, сохранили верность своим идеалам и не вернулись в Чехию и Словакию на постоянное жительство.

Весной 73-го года, когда я появился в квартире Пеликана, в доме, располагавшемся почти в центре Рима на шумной, живой площади Виа Делла Ротонда, он пригласил меня поужинать в ресторане, размещавшемся в его доме. Его жена, известная чешская актриса, была в это время на гастролях в Австрии. По внешности Пеликан широтой лица не-много напоминал советского ответственного работника, но выдавали его глаза: они были веселыми до хулиганства. О чем мы с ним тогда говорили, уже не помню. Но главным итогом было приглашение Пеликана приехать на учредительный конгресс создававшегося тогда международного движения «Третий путь», в организации которого политэмигранты из ЧССР сыграли, видимо, важную роль. И большинство из них должны были на том конгрессе присутствовать. О чем еще можно было мечтать: и «Третий путь», и герои Пражской весны!

Конгресс должен был состояться летом 73-го года в Западной Германии, недалеко от Боденского озера и австрийской границы, около знаменитого своей красотой пограничного городка Линдау, расположенного на острове. Пеликан предложил было оплатить мой билет (отдашь, мол, когда устроишься на работу, — я даже не заметил, как мы с ним перешли на «ты»!), но оказалось, что время проведения конгресса почти совпадало с приглашением для «интервью» на «Свободе» в Мюнхен, от которого недалеко было и до Линдау.

С той поры дружба и сотрудничество с Пеликаном не прерывались в течение всей эмиграции. Мы встречались с ним на различных конгрессах, на которые он меня приглашал, он не раз приезжал в Мюнхен, а я — в Рим, публиковал Пеликан мои статьи у себя в «Листах» (или в их немецкой версии), а я передавал по «Свободе» интервью с ним в своих программах, помогал он мне издавать мои книги, устраивал мои статьи в западных газетах и журналах, написал предисловие к немецкому изданию «Самоуправления», наконец, перезнакомил меня со всеми чехами — всего не упомнишь.

Мне стыдно признаться, но я только один раз был на Западе в стриптиз-клубе, и этому единственному посещению я обязан опять же Пеликану! В клубах этих, как известно, посетителей развлекают и заодно «выставляют» очаровательные женщины (которых, однако, нельзя приглашать на свидания!). Такая дама подседа и ко мне — на каком языке я разговариваю и т. д. Я жался, смущался, тогда Пеликан что-то сказал ей на ухо, и дама тут же оставила меня. «Что ты сказал ей?» — удивился я. «Сказал, что у тебя нет денег!» — рассмеялся Пеликан.

Оказалось, что Пеликан — мир тесен! — прекрасно знал в Праге моего тестя Ерофеева. И рассказал мне развеселую историю про него. Ерофеев в дни вторжения был отозван из Чехословакии (с поста секретаря МОЖа). Чехи, рассказывал Пеликан, шутили, что его сняли за то, что он допустил Пражскую весну. «Но твой тесть, как ты, наверное, знаешь, был большим бабником и накупил несколько чемоданов тряпок в подарок своим девочкам в Москве, оставил эти чемоданы в советском посольстве, и пошел в город по каким-то последним делам. А в посольстве тем временем разместили отдыхать советских солдат, и когда они отдохнули и ушли, то прихватили с собой все чемоданы Ерофеева!».

Рассказал он мне и грустную историю, косвенно тоже связанную с Ерофеевым. Секретарем у него работала красавица-чешка, которая по совместительству была и агентом КГБ. Она с Ерофеевым часто бывала в Москве и как-то познакомилась там с Сергеем Антоновым, рецензировавшим, если помнит читатель, мой сборник, угробленный потом в «Советском писателе», и Антонов влюбился в нее до потери сознания, до всяческих трагедий. Как видите, опять «теснота мира» и переплетение линий.

Конгресс движения «Третий путь» проходил в местечке Эссератсвайлер около поселка Ахберг под Линдау. Он собрал около 500 участников из многих стран Европы и США. Костяк участников составляли выходцы из движения антропософов, из левых партий, а также преподаватели рудольф-штейнеровских школ (или «вальдорфшколе», о которых я уже упоминал в шестой главе), но остроту вносили активисты Пражской весны. Из русской эмиграции я был на конгрессе один.

Тогда я впервые увидел Германию и был очарован ею, особенно селами и маленькими городками. Уже когда самолет, на котором я летел, начал снижаться, подлетая к Мюнхену, стало видно, насколько выше материальный уровень жизни в этой стране по сравнению с Италией. Бело-красные дома поселков, деревень утопали в зелени, и поля были аккуратно возделаны, разбиты на квадраты разного цвета, прорезаны аккуратными автомобильными дорогами. Впервые (это когда я уже ехал на автобусе в Ахберг) я увидел в деревнях цветы не только на окнах домов, но и на окнах коровников! Везде и всюду, во всех деревнях и коровниках. И какие пышные цветы!

Но самое главное, я впервые увидел западный политический форум — множество симпатичных, простых и спокойных людей, преимущественно молодых, живо интересующихся миром идей и не занятых соперничеством, кому над кем положено стоять. Размещались все участники форума в небольшой, двухэтажной, простой, но чистой и уютной гостинице, в номерах со всеми удобствами. Для студентов был отведен зал, оборудованный под общежитие. Кормили вкусно, просто и очень дешево. На лужайке перед гостиницей был небольшой открытый бассейн, в котором можно было искупаться в любое время дня и ночи. Гостиница находилась на краю села и с трех сторон была окружена полями, холмами и рощами.

Ну и самое главное, я увидел целую когорту героев Пражской весны, властителей моих дум: Ота Шика, Иржи Косту, Радослава Селуцкого, Еугена Лебеля, Ивана Быстрину, Ивана Свитака, Милана Горачека и многих-многих других, около ста человек. Разумеется, был там и Ирка Пеликан.

Из чешских диссидентов я хочу выделить Милана Горачека, судьба которого на Западе хорошо характеризует нравы в чехословацкой эмиграции. Юношей Горачек в начале 1969 года переполз с товарищем через границу — в Западную Германию. За плечами у него не было ничего, не было, кажется, даже законченного высшего образования. И через несколько лет Пеликан доверяет ему редактирование немецкой версии «Листов», а еще через несколько лет он при содействии Пеликана и других чехословацких политэмигрантов становится депутатом бундестага от партии «зеленых».

В российской эмиграции такая карьера была бы решительно невозможна. Чтобы иметь поддержку российских политэмигрантов, надо было обладать всемирной известностью и радикально правыми взглядами.

Центральным событием конгресса стало выступление Ота Шика, в котором он подробно изложил идеи Пражской весны.

Зал — шикарный спортивный манеж местной сельской школы, приспособленный и для конференций, был переполнен. Люди сидели в проходах на полу и с напряженным вниманием слушали Ота Шика. Он говорил спокойно, неторопливо, но с большой внутренней силой, постепенно наэлектризовывая аудиторию. При первом беглом знакомстве Шик, на фоне остальных чехословаков, показался мне человеком не очень-то ярким, даже с административно-бюрократическим налетом. Но когда он поднялся на трибуну и начал говорить, я увидел перед собой совершенно другого человека. Стало понятно, что не случайно был он одним из главных врагов великой ядерной супердержавы. Слушая его, я физически ощутил, что так называемые чехословацкие события были настоящей революцией. Шик выступал по-немецки, но Пеликан синхронно переводил мне его речь.

На другой день Пеликан буквально заставил и меня выступить. Я считал себя совершенно никудышным оратором, но тут при дружеской поддержке чехов и словаков я вдруг обрел уверенность. Я рассказал о положении диссидентов, о советских рабочих и коротко о своем понимании, каким может и должен быть постсоветский строй в России. Выступление имело успех, на мой взгляд, незаслуженный. Сказалось здесь, видимо, то обстоятельство, что я был единственным на конгрессе представителем советской оппозиции, и большинство участников впервые видели перед собой советского политэмигранта. Руководители конгресса по просьбам участников организовали специальный семинар для меня, и зал был полон, и после выступления я еще часа два отвечал на вопросы.

Пеликан перезнакомил меня со всеми своими друзьями и даже организовал мне нечто вроде дискуссии с Ота Шиком по вопросу, как я уже рассказывал, о расширенном воспроизводстве в условиях рыночного социализма.

На конгрессе я познакомился также с преподавателями «вальдорфшULE», в основном это были немцы и голландцы, и работниками кооперативных предприятий и ферм, с членами маленьких коммун. (Представителей испанской федерации кооперативных предприятий «Мондрагон» на первом конгрессе не было. Они появились на втором конгрессе. Конгрессы проводились раз в году.)

Среди делегатов конгресса были люди самого разного возраста и разных профессий: ученые, рабочие, менеджеры, крестьяне, студенты, врачи, представители очень богатых кооперативов и бедные энтузиасты из только еще складывающихся коллективов, было несколько делегатов и из израильских киббуцев и очень много антропософов. Большинство делегатов конгресса отличали от наших диссидентских «конгрессменов» способность слушать друг друга, взаимное уважение, этакая мягкая серьезность, и тихий, я бы сказал, энтузиазм. Удивляла и манера дискутировать — без напряжения, без поднятия голоса, без ожесточения и самолюбия. Я видел в этих делегатах людей будущего во всех смыслах!

Основным языком конгресса был немецкий, и переводчиками с немецкого у меня были чехи и словаки, которые все знали немецкий (сказывалось долгое господство Австрии) и русский (сказывалось советское господство). С других языков мне по очереди переводили две голландские девушки, изучавшие русский. Здесь надо отметить, что в голландских школах в обязательном порядке преподают языки окружающих стран, и поэтому голландцы самые многоязыкие люди в мире. Но несмотря на изобилие переводчиков я все равно, конечно, страдал от своей одноязыкости. В бытовых вопросах, в магазинах, отелях и на транспорте я обходился примитивным английским.

Конгресс под Ахбергом длился больше недели, и каждый вечер какая-либо национальная группа проводила «парти», на которые приглашались все желающие. Хозяева развлекали своих гостей (и себя заодно) тем, что пели свои песни и танцевали свои танцы. Голландцы играли на скрипках, французы — на своих милых гармошках. Но чехословацкая вечеринка, как я уже отмечал, была самой веселой. Все их знаменитости, включая Шика, «прикалывались», как пьяные студенты. Свои песни они чередовали с советскими, изменяя их текст в сатирическом ключе вплоть до употребления русской «ненормативной лексики». Со стыдом должен признаться: эти песни они знали лучше меня! Видимо, советские песни, как и русский язык, были включены в систему их школьного образования.

Среди чехов была и одна профессиональная певичка, очень красивая. И она, начиная какую-нибудь советскую песню, часто, обращая ко мне, говорила: «Это, Вадим (с ударением на «а»), длья тебя!». И я каждый раз вздрагивал, потому что знал, что она обязательно будет вставлять туда такие слова, от которых русскому человеку нельзя не покраснеть. А она мило их произносила, уверенная, что доставляет мне большое удовольствие.

В целом дни, проведенные на конгрессе, были, наверное, одними из самых счастливых в моей жизни. Только ради этого, как я шутил, стоило эмигрировать.

После конгресса советская пресса не удержалась от комментариев. «По поводу монстров Боденского озера» — так называлась заметка в «Правде» от 17 августа 1973 года. Монстрами «Правда» именвала деятелей Пражской весны.

«С самого дна международной политики, — писал автор заметки, — всплыли на поверхность те, о ком все давно уже, казалось, позабыли... Участники этого собрания проводили время, вздыхая о «Пражской весне 1968 года», как называют реакционеры неудавшуюся попытку свергнуть социалистический строй в ЧССР».

«Литературная газета» 5 сентября 1973 года откликнулась статьей «Странствующие рыцари третьего пути».

«В прессе сообщалось о том, — писала «ЛГ», — что «сторонники третьего пути» — они же «деятели Пражской весны 1968 года», собрались в Ахберге в канун пятилетней годовщины

своего поражения. Что ж, Шик, Пеликан и иже с ними вольны справлять годовщину собственной политической смерти. Но оказалось, что они попытались сделать в Ахберге и своего рода «заявку на будущее»... В своем программном докладе ренегат Ота Шик вещал, что «национализация средств производства не может быть основой социалистической экономики».

В заключение «ЛГ», конечно, не преминула написать, что «организация контрреволюционеров из Чехословакии... создана по хорошо знакомым рецептам, к которым ЦРУ и НАТО прибегали не раз в ходе «холодной войны»».

После окончания конгресса я приехал в Мюнхен, на «Свободу» — для так называемого «интервью». Попал я на станцию в переломное для нее время. До 1971 года, до начала детанта (разрядки напряженности в отношениях между СССР и Западом) «Свобода» финансировалась через ЦРУ, и редакторами на станции работали в основном члены Народно-трудового союза (НТС), самой активной политической группировки старой эмиграции с очень радикальной антисоветской риторикой, в которой нередко проскальзывали старые, «базовые» фашистские нотки. С началом детанта финансирование «Свободы» было передано Конгрессу США, произошла также смена руководства, и американского, и эмигрантского, в частности, с редакторских постов были удалены члены НТС. Новая линия станции должна была стать более мягкой и объективной. Для проведения этой реформы на пост начальника русской службы «Свободы» был назначен уже известный читателю Джон Лодизин, бывший культурный атташе в Москве. Тогда в Мюнхене я с ним и познакомился. И между прочим, одним из первых его вопросов ко мне был вопрос, не вступил ли я в НТС? «Если вы член НТС, то мы принять вас на работу не сможем!» — пояснил Лодизин. Пользуясь случаем, я расспрашивал Лодизина о прошлом НТС. До последней стадии войны, до зимы 1944 года, рассказывал он, члены НТС сотрудничали с немцами, а когда всем уже стало ясно, что Германия обречена, они стали искать контактов с нами, и некоторые из них были схвачены гестапо. От него я впервые узнал, что почти все окружение генерала Власова состояло из сотрудников НТС, которые руководили его действиями, так как он был слабохарактерным человеком. И они же помогали немцам набирать в лагерях советских военнопленных для армии Власова. В последние годы, предупредил меня Лодизин, в НТС внедрилось значительное число агентов КГБ, и он посоветовал мне быть осторожнее в контактах с «солидаристами», как называли себя члены НТС.

В Мюнхене администрация «Свободы» поместила меня в небольшом, не по-американски чистом и уютном отеле, и я неделю писал «скрипты» (тексты передач) и начитывал их. Написал я пару передач и о конгрессе «Третий путь». Лодизин остался моей работой очень доволен. И я был на таком подъеме после конгресса в Ахберге, что не замечал тяжелых взглядов, которые кидали на меня сотрудники станции из числа послевоенной эмиграции, которых тогда на станции было еще много.

Состоялась у меня и встреча с представителем ЦРУ на «Свободе». Ко времени моего приезда на станции осталась лишь группа наблюдателей от «Ленгли» из трех человек. Сотрудник, с которым я беседовал, Давид Анин, оказался известным на Западе историком, автором интересной и объективной книги о событиях 17-го года «Революция глазами ее вождей». Такие вот кадры были в ЦРУ! В годы революции Анин жил в России и был меньшевиком. Беседовали мы о положении в СССР и о моих политических взглядах. В дальнейшем мы пребывали с ним в дружеских отношениях.

Здесь я хочу наперед сказать для российских «левых» (без кавычек я не могу называть левыми большинство людей в России, считающих себя таковыми), что только очень неумные или нечестные люди могут равнять органы безопасности демократических стран, находящихся там под контролем парламентов, прессы и судебной власти, с органами «опасности» тоталитарных и авторитарных стран, вроде КГБ или гестапо. Да, мне, естественно, многое не нравится в действиях ЦРУ. Например и то, что ЦРУ до детанта поддерживало НТС. Но отличие ЦРУ от КГБ примерно такое же, как отличие демократического режима от тоталитарного.

В Мюнхене состоялась у меня еще одна весьма примечательная встреча — с новым эмигрантом Игорем Голом-штоком, крупным искусствоведом, специалистом по Пикассо, диссидентом, близким другом Андрея Синявского и его супруги Марии Розановой. Он устроился жить в Лондоне и в одно время со мной был приглашен на «Свободу», чтобы написать серию скриптов о художниках-нонконформистах в СССР. В ходе беседы скоро выяснилось, что наши взгляды на положение в России очень во многом круто расходятся. Но потрясло меня его высказывание, что случись в России революция, он «возьмет автомат и пойдет вместе с КГБ стрелять в народ, потому народ везде, всегда и всюду враг культуры!». Я буквально онемел, услышав такой текст от либерального диссидента. И, кажется, даже ничего ему не возразил — не нашелся.

Волны кошмарного бреда накатывались на меня при соприкосновении с российской политэмиграцией, но я упорно не хотел осознавать того, что это означает и что ждет меня впереди. Ведь поступая на «Свободу», я надолго связывал себя с этой эмиграцией.

В конце моего пребывания на «Свободе» со мной официально было подписано соглашение о зачислении в штат радиостанции. (Сначала в Нью-Йорке, а после получения американских документов — в Мюнхене.) С копией этого соглашения и солидной суммой денег — гонораром за сделанные мною передачи — я возвратился в Рим.

1 июня 1973 года в Риме родилась дочь, которую я в честь моей мамы настоял назвать Женей. Как я уже рассказывал, когда я узнал, что у нас в Италии должен родиться ребенок, меня охватила «легкая» паника, но когда, придя в роддом, я увидел маленькую куколку дочери, сердце у меня враз перевернулось, и его заполнила нежность к этой куколке и страх за ее судьбу. Родилась дочка семимесячной, сказались, видимо, волнения последнего года жизни, пресинг КГБ, перелет... Мы с женой купили специальную плетеную корзину с двумя ручками, клали туда дочь, и держа каждый за одну ручку, ходили так по делам и позже начали даже ездить с ней к морю, купаться. Помню, мы положили корзину со спящей дочерью под тент и пошли плавать. Возвращаюсь я к корзине и вижу, что тонкий пляжный песок запорошил личико сладко спящей дочери, даже облепил реснички. Легкий ветер незаметно мел песок по пляжу. Я испугался, стал скорее сдувать песок с лица дочери. И вновь сердце сжал страх за ее судьбу...

Эмигрантская мозаика

Жена рожала в великолепной больнице, располагавшейся на окраине Рима, недалеко от нашей Витинии. За роженицами ухаживали чистенькие монашки, и все расходы были безвозмездно покрыты «Хаясом».

Отмечу, что мои отношения с персоналом «Хаяса», опекавшим нас в Риме, были очень хорошими и дружескими. В массе своей его сотрудники были интеллигентными и добросовестными людьми. В то же время многие эмигранты воевали с персоналом «Хаяса», обвиняя его черт-те в чем. Так, в нашей партии эмигрантов находился какой-то писатель (фамилию забыл), добивавшийся с семьей эмиграции в Швейцарию, что было очень трудным делом. Но он решил, что персонал «Хаяса» препятствует ему, и умудрился написать в Америку, в штабквартиру «Хаяса» жалобу, что работники оногo в Риме дискриминируют его за то, что он не прошел обряда обрезания и жена его — не еврейка. Хотите — верьте, хотите — нет! Я попытался было втолковать писателю, что он бредовину несет, что я тоже не прошел упомянутого обряда, и жена моя тоже не еврейка, но — бесполезно: он продолжал воевать. В Швейцарию писатель в конце концов пробился.

Запомнилась и сцена в римской конторе «Хаяса». В приемную комнату входит семья московских интеллектуалов — муж, жена и собака — огромный дог. Один из сидящих в приемной «экономических» эмигрантов, с умилением глядя на собаку и ее хозяев, обращается к ним: «Вот что значит интеллигентные люди. Ведь сколько камушков можно провезти в такой собаке! Где нам о таком догадаться!».

Эмигранты, жившие в Витинии, ходили в гости друг к другу, пришла и к нам однажды соседка, интеллигентная вроде бы, москвичка. Подошла к кровати дочери и воскликнула: «Ой, какая маленькая! Неужели выживет?» Хотелось спросить ее, давно ли она с дерева слезла?.

Ну и для разрядки, в заключение темы — забавный эпизод. Пляж вблизи нашего городка оказался разбитым на этакие загоны — частные «лавочки», где есть и бар, и лежаки, и зонтики — все за отдельную и немалую плату, и эти загоны, метров 30—50 в ширину, отделены друг от друга высокими заборами. Никакой тебе понорамы — частнособственническое уродство!

Но, занимаясь джоггингом, я добежал как-то до конца коммерческих пляжиков-загонов и увидел нормальный, роскошный пляж на дюнах. Он, правда, был почему-то огорожен забором, но в заборе я нашел кем-то проломанную типично русскую дыру. И на следующий день я повел на этот пляж, через эту дыру, компанию эмигрантов, живших по соседству с нами в Витинии. Хотя был уже конец октября, но было еще очень тепло, и все полезли купаться, точнее, окунуться: вода была все-таки уже холодная. И когда вылезли из воды и стали одеваться, увидели, что с дюн спускаются два карабинера с винтовками — живописные, свирепые на вид мужчины в яркой по-итальянски форме. Мы, как овцы, сгрудились в кучу. Одна эмигрантка, уже давно жившая в Италии и схватившая язык, стала объясняться с карабинерами. Оказывается, мы залезли на пляж президента Италии!

— Мы эмигранты! Мы из России, мы не знали! — оправдывалась наша «спикерша».

— Из России?! Вы русские?! — карабинеры пощелкали языками, покачали головами, и уже, видимо, поверили этому, как вдруг один из карабинеров отыскал в толпе глазами меня и властно поманил: «Ну а ты, неаполитано, иди-ка сюда!». Они приняли меня за неаполитанца, которые слывут в Италии жуликами и проходимцами! В России меня почти всегда принимали за армянина или грузина (за «лицо кавказской национальности» — по-современному), а

тут вот — за неаполитанского нарушителя порядка. Карабинеры к тому же, наверное, видели, что это я провел всю компанию через дыру в заборе.

Спас меня только дружный хохот всех эмигрантов. «Что, и этот парень из России?!» — поразились карабинеры. «Да, да!» — закричали все хором. И карабинеры вновь поверили, стали добродушно болтать с нашей переводчицей и даже согласились сфотографироваться с нами. Расстались мы друзьями. Ни тебе штрафа, ни проверочки документов.

Под конец пребывания в Риме меня пригласили в американское посольство на беседу с представителем ЦРУ. Через это проходили все эмигранты, направлявшиеся в США. Сотрудник ЦРУ, молодой американец, чисто говоривший по-русски и до неприличия на русского похожий, на простого парня, предупредил меня, что я не обязан отвечать на вопросы, которые мне почему-либо не понравятся. И потом, после обычных анкетных вопросов, спросил, владею ли я какими-либо сведениями, которые в СССР квалифицируются как секретные? Я, естественно, ответил отрицательно. Но рассказал ему о том, что в 16 лет был вынужден дать подписку о сотрудничестве с МГБ, и около двух лет сотрудники этой организации регулярно приглашали меня на встречи. Рассказывая об этом, я хотел застраховать себя от шантажа со стороны КГБ. Тем более что этот эпизод был описан мною в рукописи «О самом главном», которая по милости Штейна прошла через руки сотрудников НТС, с которыми он был дружен.

Сотрудник ЦРУ расспросил меня, как проходили мои встречи с работниками КГБ, и не помню ли я адресов, где они проходили. Я про себя усмехнулся этому дурацкому вопросу и сказал, что, конечно, не помню и не уверен, что помещения эти еще существуют. На этом беседа окончилась.

Сложнее была ситуация у тех, кто обладал какими-либо секретными сведениями. Я знал двух таких. Один, как я понял, выложил их до донышка, а другой — не стал. Это был наш венский знакомый и сосед по Витинии Эзра Иодио. Эзра работал в СССР на какой-то высокой должности в Министерстве энергетики. Сотруднику ЦРУ он сказал, что секретными сведениями формально он, конечно, обладает, но несмотря на то, что сведения эти, по его разумению, на мировом фоне никакого секрета не составляют, он не хотел бы нарушать данную им в Москве подписку о неразглашении. Сотрудник ЦРУ только пожал плечами и повторил, что это его право. В том, что все было именно так, я ни на йоту не сомневаюсь: Эзра был кристальным человеком. Визу в Штаты он с семьей получил безо всяких проволочек и там вскоре же был принят на работу в какую-то большую энергетическую фирму на очень высокую должность.

— В России ты был преуспевающим работником, — как-то спросил я Эзру, — детей ты мог записать русскими. (Его жена была русской.) Что побудило тебя к эмиграции?

Эзра ответил четко: он не хотел жить в диктаторской, военизированной и антисемитской стране, где у него не было настоящей творческой свободы, и не хотел, чтобы его дети жили в этой стране. Уже сама необходимость записывать детей русскими, приспособливаться к антисемитам была для него унижительна.

Ему было тогда примерно лет 50, но был он худощавым и очень моложавым, этаким 40-летним подростком. Недавно я узнал, что сын Эзры, тот самый Саша, который передал мне в Вене благое послание от моего старшего сына, работает в одном из крупнейших в США научно-прикладных институтов «Сайнс апликэйшен», *принадлежащем его сотрудникам!* В дальнейшем я расскажу об этом институте.

В заключение этой главы я предлагаю читателям очерк «*Прошлое и будущее*», который как бы суммирует мои итальянские впечатления. Очерк этот я написал вскоре после отъезда из Италии для передачи на «Свободе». И по радио я его читал. Но долго не мог напечатать в «демократической» эмигрантской прессе. Да, наверное, так бы и не напечатал, если бы не Сергей Довлатов. В первые годы своего пребывания в Америке он редактировал еженедельник «Новый американец», не подлаживался ни к кому в эмиграции и не соблюдал ее цензурных норм и табу, в том числе и на публикацию моих работ. И он напечатал очерк в еженедельнике (1982, № 107), предпослав ему свое короткое предисловие, в котором писал, что «тысячи новых эмигрантов посещали раскопки древней Италии, в том числе и литераторы, но только автор предлагаемого очерка задумался, о чем они говорят». Вот этот очерк.

«Развалины древнего итальянского города Остии-Антики на меня произвели впечатление даже большее, чем развалины Помпеи. Отчасти, может быть, потому, что попали мы в Остию неожиданно. Мы краем уха услышали, что недалеко от нашего городка Витинии находится Остия-Антика, где интересно погулять, и как-то солнечным зимним днем сели на поезд и приехали туда, совершенно не представляя, что нас ожидает. Вышли мы на станции, пошли по аллее, обсаженной живописными итальянскими соснами, пиниями (зелень наверху как шапка), дошли до ворот какого-то парка, купили билеты и пошли дальше, все еще ничего не подозревая. Надписи-то у ворот итальянские мы прочесть не смогли. И вдруг увидели за соснами, что дорога входит в раскопки древнего города: увидели выступающие из земли стены тесно лепящихся друг к другу миниатюрных домов, а под ногами — уже знакомые каменные плиты древних римских дорог, гладко отшлифованные веками. В зазорах и трещинах, расширенных временем, росла трава. Все чаще стали попадаться упавшие или все еще стоящие колонны, легкие, светлые, изумительные по своей пропорциональности. И наконец, мы увидели первые статуи, настоящие шедевры, стоявшие вот так вот просто под открытым небом — голубым, итальянским небом — среди молчаливых, спящих вечным сном стен древнего города, поросших травой и кустами. Вокруг не было ни души, стояла глубокая, мягкая тишина, и все было окутано в золотую паутину зимнего, но всегда теплого в Италии солнечного света.

И здесь, не в музейных залах, особенно осязаемой была красота и гармоничность этих античных скульптур. Здесь они были у себя дома, на своем месте, под своим небом. Буквально физическое наслаждение доставляло созерцание их теплой, почти живой мраморной плоти — хотелось прикоснуться к мрамору пальцами, и невольно вспоминался миф о Пигмалионе. Жутковато становилось при мысли, что все эти скульптуры сделаны несколько тысяч лет назад, когда люди в других местах еще ходили, наверное, в звериных шкурах.

Но, пожалуй, больше всего поразил амфитеатр в центре этого мертвого города. Мы увидели довольно высокие стены, этажа в два-три, с проходами под арками и с каменными лестницами по стенам. Я взбежал по одной из таких лестниц, и мне открылся сразу весь амфитеатр, нисходящие ряды мраморных скамей, и внизу перед подковой амфитеатра я увидел просторную площадку-сцену, обсаженную яркими вечнозелеными пиниями, с маленькой изящной мраморной колоннадой в центре и группой скульптур, стоявшей между соснами и колоннами. Сцена-площадка, зеленая, поросшая травой, была усыпана крупными круглыми сосновыми шишками, похожими на те, что у нас растут на кедрах. Солнце уже садилось, и его лучи золотили сосны, колонны, статуи. Дух захватывало. Какое тонкое чувство красоты должно было быть у создателей этого театра, какой утонченной культурой должны были обладать люди той

невообразимо далекой эпохи! И какой полной жизнью жили они! И вот остались только камни, и только трава, сосны и ящерицы живут в их городе, когда-то полном голосов, страстей, мысли, творчества. Тут невольно начинаешь думать о смысле жизни и о не объяснимых никакими пыльными историческими книгами причинах исчезновения древних цивилизаций. Около средневековых или варварских развалин никогда не возникает такого щемящего недоумения. И как-то я понял, в чем тут дело. Варварские или средневековые руины воспринимаются как нечто промежуточное в развитии, как его низшие ступени, и вполне естественным кажется, что они пришли в упадок, заброшены. Так смотрим мы на пустую куколку, из которой вылупилась бабочка. В развалинах же античных городов мы видим кладбище совершенной, законченной цивилизации, к тому же очень близкой и понятной нам — театры, стадионы, библиотеки, храмы, водопровод, совершенное искусство и философия, которые и по сей день служат для нас непревзойденными образцами, и тут же — сексуальная мозаика на стенах и публичные дома, точнее, домики. И то, что мы находимся сейчас примерно в той же фазе, усиливает смутнение. Но я не сторонник утверждения, что все возвращается на круги своя, хотя какое-то подобие, конечно, имеется в кругах развития человечества. Но имеются и различия. Наша цивилизация, например, охватывает уже весь мир и в отличие от античной владеет атомной бомбой. Существенное, прямо скажем, отличие. И оно обостряет стремление понять глубинную причину гибели цивилизаций. Нашествие варваров? Но варвары и нашествия были во все времена. Значит, причина глубже?

И мне думается, что ответ наглядно дает другой памятник древнего Рима — Колизей. Я попал в Колизей вскоре после посещения Остии-Антики. До тех пор я только проезжал или проходил мимо, и Колизей не вызывал у меня особых чувств и мыслей: я видел уже хорошо знакомые мне по открыткам и картинам стены с сотами арок. Но когда я вошел внутрь, я замер, пораженный грандиозностью этого сооружения. Дело в том, что, наверное, половина Колизея находится ниже уровня улиц современного Рима. Я увидел бесчисленные ряды, уходящие вверх к небу по круто изгибающимся стенам, многочисленные арки проходов, и от того что арена внизу была меньше, чем на наших стадионах, стены с рядами нависали выше и грознее. Но главное было в арене. Ее собственно уже нет, она провалилась, и обнажены подземелья под ареной, в которых содержались дикие звери для натравливания на людей. Все это величественное даже для нашего времени сооружение было сделано в основном для того, чтобы смотреть, как звери разрывают людей или как гладиаторы убивают друг друга! Колизей предстал передо мной как символ страшного разрыва между мощью технического гения человека и низменностью его нравов. Я увидел, как просвещенные римляне и изящные римлянки, затаив дыхание, со сладострастием в глазах смотрят, как лев перекусывает горло своей жертве или гладиатор добивает мечом своего поверженного товарища. И ради этого создавали свой шедевр древнеримские строители! Ну что ж, был заказ — сидели в своих НИИ, чертили, трудились, собирались на совещания, во время «перекуров» рассказывали анекдоты. Потом, наверное, был и банкет по случаю успешной сдачи объекта.

Не здесь ли, не в этом ли ужасающем разрыве между развитием технического знания и умения и нравственностью тех же людей и лежит коренная причина гибели античной и всех других цивилизаций? Безнравственные, не способные к сопереживанию люди не способны и к самоотверженности, к единению и к лишениям в борьбе с варварами. И, наверное, еще ослабляет глубинное сознание справедливости возмездия. И варваров после Колизея уже трудно осуждать за безжалостное уничтожение римской цивилизации, которая находила наслаж-

дение в мученической смерти рабов. Мне вспомнились тогда слова Андрея Амальрика, которыми он заканчивает свою книгу «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»:

«Если бы футурологи существовали в императорском Риме, где строились уже шестиэтажные здания и существовали детские вертушки, приводимые в движение паром, то в пятом веке они предсказали бы на ближайшее столетие строительство двадцатиэтажных зданий и промышленное применение паровых машин. Однако, как мы уже знаем, в шестом веке на Форуме паслись козы, как сейчас у меня под окном в деревне.

Конечно, те жестокие века не прошли совсем бесследно, и люди сейчас не наслаждаются на стадионах зрелищем убийств, но смотрят на подобное с удовольствием в кино, читают в комиксах — рекламами и афишами этого искусства обклеены все стены Рима — или проектируют в НИИ лагеря и психбольницы для мучительного уничтожения инакомыслящих людей, и ракеты с ядерными головками, которые по-страшнее варварских полчищ».

После 11 сентября 2001 года эти слова звучат, на мой взгляд, весьма актуально.